

Хантер С. Томпсон

Погребение в море

«Когда мы отплываем?»

«В понедельник на рассвете. Завтра приходите со своими вещами и мы отчаливаем».

Лоуренсон поднялся. «Хорошо. Тогда мы возвращаемся в отель и собираемся». Он взял свой фотоаппарат и пошел к люку, шагая медленно, чтобы не удариться головой.

Его жена уже была на лестнице. Поднявшись наполовину, она повернулась. «Очень мило с вашей стороны взять нас с собой, мистер Майер. Надеюсь, мы не станем для вас проблемой».

Капитан поднялся. «Ни в коем случае – и не называйте меня мистер Майер. Меня зовут Чик».

Лоуренсон улыбнулся и помог жене подняться по лестнице на палубу, где невысокий паренек с недавно выросшей бородкой чинил паруса. Он поднял глаза: «Вы решились на поездку?»

«Да», – ответил Лоуренсон. «Уверен, это будет настоящим приключением».

Капитан вылез из люка и встал рядом с ними под горячим Карибским солнцем. «Возможно, вы будете думать по-другому, когда мы доберемся до места», – сказал он. «Две недели в море это долгий срок».

«Я думаю, нам понравится», – сказала Энн.

Майер пожал плечами и прикурил сигарету.

Лоуренсон с любопытством посмотрел на него. Капитан был на голову его ниже, но весил примерно столько же. Ему было где-то слегка за тридцать, массивные плечи и короткие мускулистые ноги. На нем не было ничего, кроме поношенных шорт цвета хаки, а волосы на его теле были трех разных цветов: выющиеся светлые на ногах и голове, темно-коричневые на груди и плечах и тускло-рыжие на бороде.

Лоуренсон уже почти ступил на причал, когда Майер окликнул его: «Почему бы вам не отдать мне деньги сейчас, чтобы я купил продукты?»

Лоуренсон передал ему наличные, и Майер пересчитал их. «О'Кей», – сказал он. «Будьте здесь завтра к полудню. Нам еще кое-что надо сделать».

Энн игриво улыбнулась. «Я тоже должна буду работать?»

Майер взглянул на нее. «Я найду для тебя работу», – спокойно сказал он. «Уверен, что ты для чего-нибудь пригодишься».

Лоуренсон почувствовал, как в животе похолодело. «Ладно», – произнес он. «Пойдем».

Он пошел за Энн по расшатанному пирсу. Дойдя до конца, они остановились посмотреть на судно Майера. Это был старый пятидесятифутовый баркас с черным корпусом, на корме которого было выведено золотыми буквами слово «Себастьян». Судно немного отличалось от остальных в порту. Там были всяко-разные чартерные суда, начиная с крошечных шлюпок и заканчивая огромными, трехмачтовыми шхунами с неприкрытыми рангоутами [1], лениво покачивающимися на фоне зеленых холмов и яркого голубого неба.

Лоуренсоны проводили отпуск, путешествуя по островам. Они начали с Тринидада и направились на север, к Сент-Сиру. И теперь, вместо того чтобы полететь назад в Кливленд, где Лоуренсону оставался последний год обучения в медицинской школе, они возвращались в Штаты на «Себастьяне».

На следующий день после завтрака они принесли вещи на борт «Себастьяна» и разложили их в шкафчиках под своими койками, расположенными по обе стороны главной каюты. Майер и второй член экипажа, Билл Ибл, собирались спать в капитанской каюте на корме.

Майер сошел на берег и Ибл рассказал им, что предстоит сделать. Он был молод, небольшого роста, толстоват и явно очень старался работать как можно упорнее, чтобы поскорее отросла борода. Ибл поведал, что познакомился с Майером через общего друга в Нью-Йорке, и прилетел сюда чтобы «подсобить Чикку» в пути на Лонг-Айленд, где судно останется на лето.

Майер появился ближе к вечеру, по прежнему одетый в одни лишь шорты цвета хаки. Он держал банку пива и толстый кусок каната, которым с силой шлепал то по мачте, то по своей ладони.

Лоуренсон догадался, что Майер пьян. Господи, подумал он, ему только маленькой обезьянки не

хватает для полноты образа – шляется по палубе с этим гребаным кнутом!

Майер бросил пустую банку пива в гавань. «Энн, – сказал он, – иди вниз и замути нам чего-нибудь пожрать. В леднике есть мелко провернутое мясо для гамбургеров. Надо его съесть, пока не испортилось».

Лоуренсон смотрел на Майера через канат, концы которого тот соединял. «Мы сегодня в городе поедим, – сказал он. Хотим попробовать лобстеров в „Джаннини“».

Майер помотал головой. „Тухлое заведение – поверьте на слово“. Он прикурил сигарету. „Бесмысленно есть в другом месте. Как я уже говорил, вы мои гости на следующие две недели“. Он наплавил канат на Ибла. „Билл, сходи вниз, покажи Энн как пользоваться печью“

Какое-то мгновение никто не двинулся с места, затем Ибл встал и начал спускаться по лестнице. Энн послушно отправилась за ним.

Почти час прошел, когда она снова появилась. Ее волосы спутались, а лицо было влажным от пота. „Готово“, – кротко сказала Энн.

„Зашибись!“, – воскликнул Майер. „Поедим. Давай Лоуренсон. Похоже, тебе это не помешает“.

Стол в главной каюте был аккуратно сервирован четырьмя тарелками с мясом и жареной фасолью. Майер и Лоуренсон сели по одну сторону стола, Энн и Ибл – по другую.

Ни слова не было сказано, пока ужин не был съеден. „Будем по очереди убираться на камбузе, – сказал Майер. Сегодня к уборке приступает матрос Лоуренсон“.

Ибл поднялся на палубу и Лоуренсон отправился к жене на кухню. „Господи, – проворчал он, – все может оказаться не таким забавным, как я думал“.

Было еще темно, когда Майер разбудил их. „За дело, – отчеканил он. Я хочу очистить порт еще до восхода солнца“.

Майер объявил вахты, пока Ибл поднимал кливер [2]. „Вы будете вместе с Биллом, – сказал он Лоуренсону, – а мы с Энн будем в другой смене. Так на палубе постоянно будет кто-то опытный“.

Лоуренсон мгновенно проснулся. „И по какой системе мы будем дежурить?“, – сказал он быстро.

Майер улыбнулся, наматывая канат на ладонь. „А я думал, что ты бывалый моряк, Лоуренсон. Одна смена дежурит, пока спит другая. По четыре часа. Это значит, что четыре часа ты работаешь, потом спишь“. Он замолчал на секунду. „И лучше бы тебе выспаться пораньше, черт, силы тебе понадобятся“.

Лоуренсон почувствовал прилив паники. Он попытался поймать взгляд Энн, но она смотрела вниз, на палубу.

К тому моменту, когда поднялось солнце, „Себастьян“ был в открытом море и держал курс на север, к Бермудам. Море было тихим. Майер и Ибл по очереди стояли за штурвалом. Энн приготовила завтрак, а Лоуренсон изо всех сил старался понять основы мореходства.

В полдень Майер замерил высоту солнца секстантом. „Посмотрите получше на эту сушу“, – крикнул он, указывая на Сент-Сир на горизонте. „Она последняя, что вы увидите за неделю“.

Днем Ибл показал Лоуренсону, как вести судно по компасу. День тянулся медленно и он уже чувствовал усталость, когда Майер позвал его на дежурство с восьми до двенадцати. „Вперед Лоуренсон, шевели булками. Мы с Энн пойдем поспим“.

Лоуренсон правил около часа, но понял, что ему трудно сконцентрироваться. Кокпит был над каютой Майера и он тщательно прислушивался к любым звукам оттуда.

Майер появился ровно в полночь и Лоуренсон отправился вниз будить Энн. Она уже встала.

„Как ты себя чувствуешь?“ – спросил он.

„Нормально. Что-то не так?“

Слова вылетели из его рта быстрее, чем он успел подумать. „Не давай ему доставать себя, – прошептал он. – Позови меня, если что“.

Она улыбнулась и нежно его поцеловала. „Не волнуйся. Ничего не случится“. Потом быстро, по-хозяйски она прошла через каюту к люку.

На следующий день ветер был спокойным, и чтобы поймать его, Майер поднял большой кливер. „Позже можно будет поднять спинакер [3]“, – сказал он. „Извлечем пользу из каждого дуновения“.

В полдень он отправил Лоуренсона на бушприт [4] натягивать кливер. Когда верхушка паруса упала в воду, Майер взорвался. „Бесполезная скотина! Ты хоть что-нибудь вообще умеешь?“

Лоуренсон сжал зубы и промолчал. Позже, во время смены вахт, он застал Энн одну в каюте.

„Когда-нибудь мне придется врезать этому волосатому мелкому ублюдку по морде“, – прошептал он.

Она старалась не смотреть ему в глаза. „Все-таки, – сказала Энн, – ты в самом деле уронил парус“.

„О, Господи“, – сказал Лоуренсон. „Он мог хотя бы не придирааться ко мне по этому поводу“.

Ночью, после смены вахт, он почти час лежал на койке, внимательно прислушиваясь к звукам с палубы. Он слышал, как они говорят, но не мог разобрать о чем. Разговор прерывался долгими паузами и, наконец, Лоуренсон не выдержал.

Со стучащим сердцем, он забрался по лестнице на палубу. Энн сидела в кокпите, держа руль, а Майер стоял сзади, держа руки у нее на плечах. Она улыбалась, и ее светлые волосы блестели в лунном свете. Лоуренсону показалось, что руки шкипера медленно двигаются к основанию ее шеи.

Майер поднял на него глаза. „Какого хрена ты здесь забыл, Лоуренсон? Тебе лучше бы хорошенько выспаться, когда я разбужу тебя в полночь“.

Лоуренсону захотелось врезать по его самоуверенной физиономии. „Мне надо в туалет“, – сказал он.

„А на хрена, ты думаешь, нужен гальюн?“, – отчеканил Майер, не снимая рук с плеч Энн.

Лоуренсон направился к корме, смотря вперед. „Здесь поудобнее“, – пробормотал он.

По дороге к люку он прошел мимо Майера и шкипер смерил его взглядом. „Полегче стало?“, – сказал он, слегка улыбаясь.

„Угу“, – промычал Лоуренсон, поворачиваясь к люку. Он обернулся и взглянул на Энн. Она снова улыбалась, и теперь он был абсолютно уверен, что руки Майера двигались по ее плечам.

На следующий день Майер не оставлял его ни на минуту:

„Лоуренсон, вычисти камбуз. Воняет, как в свинарнике!“

„Лоуренсон, приведи в порядок сумки с парусами, они в лазарете. Они понадобятся мне в готовности, если мы попадем в шквал“.

„Лоуренсон, спускайся сюда и выкачай воду с днища. У нас и без сотен галлонов морской воды хватает мертвого груза на борту“.

Днем, согласно прогнозу Майера, они вышли в Саргассово море. Оно было похоже на огромное грязное озеро посреди океана. Множество саргассовых водорослей ключьями проплывали мимо судна. Паруса колыхались и подрагивали на угасающем ветре, и даже легкий надувной кливер был почти бесполезен. У „Себастьяна“ не было двигателя, и Майер решил покорно дрейфовать в штиле столько, сколько Богу будет угодно. „Я ни черта тут не могу сделать“, – сказал он, пожимая плечами. „Будем пытаться двигаться дальше и молить о ветре“.

Во вторую их ночь в штиле дежурил Лоуренсон. Он и Ибл сидели друг напротив друга в кокпите. После часа нервного молчания, только мачта скрипела над их головами, Лоуренсон встал и пошел вниз. Спустившись по лестнице в каюту, он почувствовал, что Энн нет в ее койке. В каюте стояла крошечная темнота, и он ощупал холодные помятые простыни, слабо надеясь на то, что найдет ее в них.

Потом он заглянул в камбуз, зажег спичку и убедился, что там никого нет. Ее не было на палубе, значит она в одном из двух мест – в гальюне, или в каюте Майера.

Он пошел назад на корму, часто дыша. Обе двери были закрыты, и он ничего не услышал. Он тронул дверь в гальюн, собираясь толкнуть ее.

Но не мог. Ничто не могло заставить его постучать или позвать Энн. Дверь Майера была за ним, но он не мог смотреть на нее. Он просто стоял, держась за дверь в гальюн.

Спустя несколько минут он вернулся на палубу. Руки дрожали, а глазам было тяжело сфокусироваться.

Ибл держал ногу на румпеле, наблюдая за Северной звездой. Он удивился, когда Лоуренсон ввалился в кокпит и шлепнулся на кушетку. „Что случилось?“, – спросил он.

Лоуренсон обхватил голову руками. „Мне плохо, – пробормотал он. Мне надо сойти отсюда на берег. Мне все хуже и хуже“.

Ибл смотрел на него с секунду, потом посмотрел на компас. „Да, – сказал он тихо. Мне кажется, я понял, о чем ты“.

Лоуренсон молчал несколько минут, потом вдруг вскочил на ноги и поднял стальную рукоятку лебедки размером с половину бейсбольной биты. Если она сейчас внизу с ним, значит она шлюха – и он избьет обоих до полусмерти. Он направился к люку.

Ибл сказал ему: „Ты куда это?“

„Пойду разберусь со всей этой фигней!“, – ответил Лоуренсон, встав на лестницу. Спустившись, он заглянул в главную каюту.

Энн была в своей койке. Света хватило, чтобы он разглядел между простынями тело. Он на цыпочках прошел в каюту и зажег спичку. Она спала. Он поднял спичку над койкой и увидел, как тени пробежали по ее волосам, увидел ее обнаженное плечо, блеснувшее в тусклом свете.

Майер, тряхнув, разбудил его на рассвете. „Все на палубу! Сегодня придется потрудиться“.

Лоуренсон яростно стряхнул его руку со своей ноги. „Не трогай меня!“, – крикнул он. „Я встаю!“

У Майера сузились глаза. Он повернулся и ушел, не сказав ни слова. Лоуренсон стал одеваться.

Когда он поднялся на палубу, то понял, что Майер имел в виду. Угрожающе выглядящий шквал закрыл весь северный горизонт.

Они в спешке съели завтрак, и шквал обрушился как раз, когда они закончили. Сначала пошел слабый дождик, затем подул ужасающий ветер и, наконец, взревело, разлетаясь на части, море, грозя в любой момент разнести судно в щепки.

Лоуренсон, сидел на выступе на подветренной стороне палубы, вцепившись в ограждение кокпита, чтобы его не смыло за борт. Небо почти все было черным и дальше двадцати ярдов было невозможно ничего увидеть. „Себастьян“ накренился под невероятным углом и каждая волна, которую видел Лоуренсон, наводила на него панику.

Внезапно с носа корабля донесся дикий крик, так сильно напугавший Лоуренсона, что он чуть было не выпустил из рук поручень. „Чик! Кливер!“

Лоуренсон увидел, что верх кливера буквально разлетается на куски на ветру. Три шва разошлись, а другие два разорвало в течение тридцати секунд.

„Опускай его!“, – кричал Майер. „Опускай эту херню!“ Он повернулся к Лоуренсону: „Принеси мне стаксель [5] из лазарета! Живей, твою мать!“

Лоуренсон окаменел от страха. До лазарета было всего шесть футов, но когда он оглянулся, пытаясь заставить себя сдвинуться с места, ему показалось, что до него ярдов шестьдесят. Крик Майера встряхнул его. „Лоуренсон! Тупой ублюдок! Неси мне парус!“

Лоуренсон осторожно двинулся по палубе к лазарету. Он пошел боком, чувствую, как на него хлынул поток воды, когда он схватился за поручень. Его руки окоченели, и ледяная вода стекала по промежности.

В момент, когда он поднял заслонку лазарета, море вырвало ее из рук и унесло. Оно мгновенно отхлынуло, а потеря заслонки наполнила его таким страхом и отчаянием, что он заплакал. Он лежал на животе, всхлипывая, пока не нащупал сумку, в которой был стаксель.

Он вытянул сумку, едва видя, и пополз по палубе к носу. Проползая мимо главного люка, он увидел Энн, стоящую на лестнице в дождевике и смотрящую на него с таким выражением, которого он никогда у нее не видел. Он отвернулся и пополз дальше.

Майер дико орал, когда он, наконец, добрался до носа. „Парус! Тупой ублюдок! Дай мне чертов парус!“ Он сидел на бушприте, обхватив его ногами и держась за переднюю подпорку.

Лоуренсон отчаянно пытался развязать узел на сумке, но узел намок, а его руки так тряслись, что он едва держал ее.

„Обрежь его!“, – крикнул Майер.

Ибл подбежал с ножом и перерезал веревку. Лоуренсон открыл сумку.

Первое, что он достал оттуда, был коричневый свитер. Брызги были такими сильными, что он едва разглядел, что держит в руках, но понял, что это не парус. В отчаянии он опять полез в сумку. На этот раз он выудил оттуда шорты цвета хаки.

Крик Майера, казалось, заглушил море. То был дикий, пронзительный вопль: „*Господи Иисусе! Ты принес мне сумку со шмотками!*“

Лоуренсон поднял глаза, лицо его исказили страх и замешательство, он увидел, как Майер швырнул в него фал [6]. Большой стальной наконечник ударил его в грудь, словно пушечное ядро.

Он упал на спину, споткнувшись об люк, и заскользил по палубе по направлению к поручню. Он схватился за мачту, но не смог удержаться. Как раз когда его ноги окунулись в воду, он поймал рукой спасательный трос.

Лоуренсон висел там, хныча и глотая воздух, пока Ибл ходил за стакселем и мужчины поднима-

ли его. Наконец они втащили Лоуренсона на борт, и он лег на палубу, тяжело дыша, его тошнило в воду.

Наконец он как-то добрался до каюты, где проспал несколько часов. Когда он проснулся, шквал уже прошел. Никто не произнес ни слова, когда он появился на палубе, так что он сел один на носу и смотрел, как садится солнце.

Как только стемнело, они увидели огонек на горизонте. Майер смотрел со своего места из кокпита. „Вот и Бермуда“, – сказал он тихо. „Это маяк Глоуб Хилл“.

Никто особо не разговаривал, когда вахты сменились в восемь. Лоуренсон держал румпель, сконцентрировавшись на крошечном мигающем огоньке на горизонте.

Он никогда не сможет забыть ужас этого дня. Брюс Лоуренсон, благородный потомок одной из лучших семей Кливленда, побежден и растоптан обычным моряком, злобным невежественным засранцем. Доведен до состояния беспомощного желе низкопробным морским подонком. А если этого мало, так еще и его жену чем-то привлекало это животное, может она даже и трахалась с ним. Он представил, что скажут его друзья, когда он вернется без нее. А его родители? Ее? Что он им скажет? Он думал об этом какое-то время и, наконец, решил, что просто скажет правду – что она внезапно превратилась в шлюху.

Огонек стал уже больше, и он понял, что до берега остались считанные часы. Он сядет на самолет, с ней или без нее. Он поговорит с ней, даст ей шанс, но не больше. Ей нет прощения. И как только они вернутся в Кливленд, он как следует ей засадит.

Стоило „Себастьяну“ оказаться в безопасности, как Майер стал почти радостным. „О’Кей“, – сказал он с улыбкой. „Давайте-ка все хорошенько выспимся“.

Когда они начали спускаться вниз, Майер положил руку на плечо Ибла. „Я думал, что ты сегодня собирался спать на палубе“.

Ибл заколебался. „Ах, да“, – ответил он. „Ты прав“. Он стоял на палубе, держа резиновый матрац, пока Майер спускался вниз.

Они раздевались – Энн за занавеской рядом с койкой – когда заглянул Майер пожелать спокойной ночи. Его голос был дружелюбен, а лицо выглядело расслабленно впервые с тех пор, как они покинули Сент-Сир.

Лоуренсон подошел к койке Энн. Она лежала на спине, натянув простыню до подбородка. Как только он заговорил, она взяла его руку и сжала ее. „Мне жаль, что все так получилось сегодня“, – прошептала она. Он смотрел на нее. „Не волнуйся, – сказал он нежно, – Все позади“.

Она снова сжала его руку. „Лучше бы мы вообще прошли мимо этой лодки“, – шептала она. „Что угодно отдала бы, чтобы утром проснуться дома“.

„Можем сесть на самолет“, – быстро сказал он.

Она погладила ему руку. „Нам это не по карману“, – произнесла она.

„Черта с два не по карману“, – ответил он. „У нас как минимум хватит денег – может, еще и останутся“. Он нагнулся, чтобы поцеловать ее в губы.

Она не отпускала его с мгновенье, затем повернулась лицом к стене. „Я так устала, что не могу думать“, – сказала она утомленно.

Он влез на свою койку и погасил тусклый свет над головой. Она согласна, думал он. Она ненавидит все это так же, как и я.

Его разум был слишком загружен, чтобы он уснул, и он лежал так почти час, пока не услышал, как она говорит шепотом: „Брюс, ты спишь?“

Он не стал открывать глаза и притворился спящим, предвкушая, что она будет будить его, как она делала это когда они только поженились – поглаживая его бедра и живот пока он не очнется, трепеща.

Потом он услышал мягкий звук ее голых ступней, направляющихся к корме.

Слова застыли у него в глотке. Тело напряглось, пока он прислушивался, ждал звуков. Пошла ли она в гальюн? Там была раздвижная дверь, и он ждал ее безошибочно узнаваемого звука.

Звук был слабый и тихий – но не звук раздвижной двери, а скрип петель, двери, открываемой нарочито медленно и бесшумно.

Это была дверь в каюту Майера. Лоуренсон сжал кулаки в ожидании, и услышал, как дверь закрыли, так же медленно, как открывали.

Затем, по прошествии, казалось, долгого времени, он услышал звук – странный сдавленный

стон, звук человеческого голоса, рвущегося на воздух под ужасным давлением.

Через несколько секунд он понял, что звук исходил из его собственного тела. Он стоял на палубе и блевал за борт, не помня, как здесь очутился.

Потом он вернулся в каюту, слезы стекали по его лицу, пока он запихивал свои вещи в чемодан. Ему было все равно, что он производит шум, но когда он вернулся на палубу, Ибл выглядел так, будто не просыпался.

Не обращая на него внимания, Лоуренсон перелез через ограждение в спасательную шлюпку. Лодочка бешено качалась взад и вперед, пока он пытался отвязать веревку, державшую лодку на „Себастьяне“. Но узел был влажным и не поддавался.

Всхлипывая от боли и разочарования, он полез в чемодан за бритвой. У него ушло несколько минут, чтобы разрубить полудюймовую веревку. Он несколько раз порезался, прежде чем рассек узел.

Он оттолкнулся, оставив кровавые отпечатки на корпусе „Себастьяна“. Его руки так болели, что он едва мог грести, а его стоны разносились по темной воде.

Когда он добрался до пирса, то вылез из шлюпки и оттолкнул ее в море, надеюсь, что ее унесет каким-нибудь отливом. Он стоял там и смотрел на судно, длинные призрачные очертания которого были в нескольких сотнях ярдов от него. Вдруг, на миг ему показалось, что он увидел там огонек – может спичку, или зажигалку. Его разъярила мысль о том, что они стояли на палубе и смотрели, как он отгребает, слушали его стоны. „Уроды!“, – закричал он, размахивая в воздухе кулаком. „Вы поганные уроды! Скоты!“

Эхо от его крика разнеслось по всей гавани, и он подождал ответа. Не услышав его, он швырнул чемодан с пирса и поспешил убраться из яхт-клуба на темную улицу.

Машин на дороге в город не было, и он шел по ней больше часа. В итоге, оцепеневший от изнеможения, он рухнул в поле рядом с дорогой и спал до утра.

Негр, везущий в грузовике хлеб, подбросил его в город, где он взял такси до аэропорта. К полудню он уже был на пути в Нью-Йорк. Он пробудет там несколько часов и переседет на самолет до Кливленда. Согласно билету, он прилетит домой к девяти тридцати вечера.

Примечания

[1] РАНГОУТ, рангоута, м. (гол. ronthout, букв. круглое дерево) (мор.). Совокупность деревянных или стальных круглых брусьев для поддержания и растягивания парусов (мачты, реи, стеньги).

[2] КЛИВЕР, кливера, м. (гол. kluyver) (мор.). Треугольный косой парус в передней части судна, расположен между носовой мачтой и бушпритом.

[3] СПИНАКЕР – вспомогательный треугольный парус, устанавливаемый на носу судна и используемый при попутном ветре.

[4] БУШПРИТ и бугшприт, бушприта, м. (от голл. boeg – нос корабля и spriet – шест) (мор.). Брус, выступающий наклонно впереди носа корабля. Служит главным образом для крепления носовых парусов.

[5] СТАКСЕЛЬ, стакселя, м. (гол. stagzeil) (мор.). Косой треугольный парус, поднимаемый впереди мачты к носу судна.

[6] ФАЛ, фала, м. (гол. val) (мор.). Веревка, снасть для подъема реи, парусов, сигнальных флагов и пр.